

Брат Лун сузил глаза, и Гу Хуэй тут же рухнул на колени, принявшись отчаянно биться головой об пол.

Но брат Лун лишь с силой отпихнул его ногой, отчего тот затылком ударился о ножку стула и истек кровью.

Брат Лун, поддавшись внезапному приливу ярости, не раздумывая, сделал несколько шагов вперед.

Сы Цзин, почуяв недоброе, почувствовал, как задрожали кончики его пальцев, и в испуге сжал простыню:

— Ты... что ты собираешься делать?

Гу Хуэй поспешно заслонил собой Сы Цзина:

— Брат Лун, умоляю...

Гу Хуэй не успел договорить, и Мэй Сунсюэ, уже приготовившийся к схватке, тоже не успел сдвинуться с места, как вперед вышел один из подручных брата Луна.

— Брат Лун, этого человека нам трогать нельзя, вы что, забыли, что только что сказал Ши Юнь?

Брат Лун замер. Видимо, вспомнив кого-то внушающего ужас, он тут же отвел руку в сторону и положил ее на плечо Мэй Сунсюэ.

— Если этот не подходит... то этот-то уж точно сгодится, верно?

Худые плечи Мэй Сунсюэ слегка задрожали, он поднял свои изящные, красивые глаза и встретился взглядом с женщиной.

Сы Цзин решил, что тот испугался.

Но только Мэй Сунсюэ знал, насколько он возбужден — в его глазах вспыхнул жадный, кровожадный огонек.

Он уже представил, как будет крошить зубы этого мужчины, ломать ему руки и выдавливать глазные яблоки.

От одной мысли об этом он задрожал от восторга.

Увы, в следующую секунду подручный подобострастно убрал руку брата Луна с плеча Мэй Сунсюэ:

— Брат Лун, этот тоже не подходит.

Брат Лун недовольно уставился на него:

— А с этим-то что не так?

Подручный заискивающе улыбнулся:

— Брат, те двое с первого этажа еще не видели новеньких. Если мы тронем их первыми, это

будет неуместно.

Брат Лун нахмурился. Подручный был прав.

Каждый раз, когда в тюрьму прибывали новички, их сначала должны были осмотреть два главных авторитета с первого этажа, и только потом очередь доходила до остальных.

Подручный продолжал убеждать:

— Брат Лун, лучше подождем, пока боссы их осмотрят. Нужно соблюсти формальности.

Иначе, если те двое разозлятся, можно и жизни лишиться.

Брат Лун с досадой посмотрел на двух ослепительных новичков и приказал своим людям поднять Гу Хуэя.

Под звон колокола, возвещающего об окончании времени для прогулки, они потащили упирающегося Гу Хуэя прочь.

В тюрьме Паскаль проверки проводились по головам, так что, пока человек жив, его присутствие в другой камере никого не волновало.

Раз уж ты попал в эту тюрьму, выхода отсюда нет до конца жизни.

Поэтому не имело значения, в какой камере ты находишься, главное — оставаться в живых.

Так что переходы из камеры в камеру случались часто.

Этой ночью Сы Цзин ворочался с боку на бок, не в силах уснуть.

Его веки покраснели и припухли, словно пропитались соком персика, а крошечная родинка красоты казалась невероятно притягательной.

Он бережно спрятал хлеб в пакет и положил у изголовья.

Видя, что он больше не ест, Мэй Сунсюэ тоже перестал.

Он куда лучше Сы Цзина понимал всю тьму и порочность тюрьмы Паскаль.

У обычных заключенных еды не бывает, если только они не заключили какую-то сделку.

Глаза Мэй Сунсюэ тоже слегка покраснели. Сы Цзин подумал, что тот тоже переживает за Гу Хуэя, и похлопал его по плечу:

— У тебя раны, лучше поспи.

— Завтра во время прогулки я найду Ши Юня и попрошу его вызволить Гу Хуэя.

Ши Юнь — начальник тюрьмы, он ведь должен заниматься такими делами?

Глаза Мэй Сунсюэ покраснели еще сильнее:

— Хорошо, ты тоже ложись спать, Сяо Цзин.

Сы Цзин не видел, что рука Мэй Сунсюэ, сжатая в кулак, побелела до крови.

Его взгляд становился все мрачнее, он косился на эту невероятно красивую руку.

Ногти были ровными и изящными, нежно-розовыми, как распустившиеся розы.

Кожа и кости казались совершенными, а суставы отливали нефритовым блеском.

Ночью пошел дождь, барабания по стеклам.

Звук ночного дождя раздражал, оба спали крайне беспокойно.

Сы Цзин переживал за Гу Хуэя, он не мог представить, какими методами те люди будут его мучить.

А Мэй Сунсюэ, спрятавшись под своим одеялом, одержимо наблюдал за Сы Цзином.

В сумраке ночи он был похож на волка, готового броситься на добычу.

Мэй Сунсюэ тихо произнес:

— Сяо Цзин, может, я расскажу тебе сказку?

Мэй Сунсюэ казался человеком, который предпочитает держать все в себе, и раз уж он сам решил заговорить, Сы Цзин, конечно, был не против:

— Хорошо.

Мэй Сунсюэ рассказал простую сказку, которую Сы Цзин много раз слышал от мамы в детстве.

В самой истории не было ничего необычного, но голос Мэй Сунсюэ звучал так чарующе, лучше, чем у любого профессионального актера.

Слушая его, Сы Цзин действительно уснул.

Его длинные, серебристые волосы разметались по кровати, а спящее лицо было таким безмятежным, словно он был очаровательным снежным духом.

Густые ресницы подчеркивали идеальный разрез глаз — чистый и манящий.

Мэй Сунсюэ сел на кровати, его глаза в темноте пугающе блестели.

Он осторожно надел обувь и бесшумно подошел к изголовью Сы Цзина.

Спящий Сы Цзин слегка нахмурился. Он был сонный, но ему приспичило в туалет.

Сы Цзин полусонно сел, приоткрыв глаза, как сонный котенок, и лениво зевнул.

Ночь была слишком густой, Мэй Сунсюэ сливался с ней, словно молчаливая статуя.

Сы Цзин не заметил его, вставая с кровати, и споткнулся.

Он широко открыл глаза и увидел перед собой огромную черную тень.

— А... — от испуга у Сы Цзина подкосились ноги. Кто мог подумать, что у его кровати кто-то стоит?

Да и кто это — человек или призрак?

Сы Цзин спал крепко и, только проснувшись, забыл, что он в тюрьме, решив, что находится дома.

Он испуганно выкрикнул: — Мама! — в его голосе дрожала паника, словно коготки котенка царапали сердце.

Ответа не последовало, и он наконец вспомнил, что уже не дома.

Сы Цзин немного протрезвел, присмотрелся и понял, что это не призрак, а человек.

— Сяо Цзин, это я, — голос Мэй Сунсюэ был тихим и хриплым, словно пух, готовый разлететься от малейшего дуновения.

Сы Цзин выдохнул с облегчением — хорошо, что это не какой-нибудь извращенец.

Он не стал спрашивать, почему Мэй Сунсюэ стоит здесь посреди ночи и пугает его, а сразу вспомнил про его раны.

— Почему ты здесь стоишь? Рана снова болит?

Мэй Сунсюэ изогнул губы в улыбке. Какой глупый ягненок, даже в такой момент беспокоится о чужих ранах.

— Все в порядке, не болит, — мягко ответил Мэй Сунсюэ, в его голосе слышались слезы.

Сы Цзин решил, что тот лжет.

Система как-то говорила, что Мэй Сунсюэ очень упрям и не хочет, чтобы другие видели его слабость.

Сы Цзин полностью его понимал и искренне восхищался такими людьми!

В голове тут же всплыли образы героев из прочитанных романов, и он дорисовал в воображении целую драму о тяжелой судьбе Мэй Сунсюэ.

Поэтому его голос стал еще мягче:

— Не спится?

В этот момент образ Мэй Сунсюэ в глазах Сы Цзина сложился окончательно: он пол-ночи рассказывал сказки, чтобы убаюкать его, а сам не мог уснуть из-за тревоги за Гу Хуэя и боли от ран.

Бедняга.

Даже будучи в таком тяжелом положении, он ничего не говорит, а просто решил встать и немного походить по камере.

Мэй Сунсюэ — такой замечательный человек.

<http://bllate.org/book/19060/1871557>